

Г.Г. Арутюнян, *Председатель Конституционного Суда Республики Армения, доктор юридических наук, профессор*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы конституционно-правового развития постсоветских государств на современном историческом этапе, в частности проблема дефицита конституционализма, низкий уровень конституционной культуры и конституционализации общественных отношений. По мнению автора, в новом тысячелетии развитие Конституции возможно посредством реализации ее аксиологического потенциала как основы социального поведения человека и публичного поведения властей.

Ключевые слова: Конституция, аксиологическая основа, деформация конституционализма, принцип верховенства права, конституционная культура, мониторинг конституционализма.

The article deals with topical issues of constitutional development of post-Soviet states at the present historical stage, including the problem of a significant shortfall in constitutionalism, low level of constitutional culture and the constitutionalization of social relations. According to the author, in the new millennium development of Constitution is possible through the realization of its axiological potential as a basis of human social behavior and of public actions of authorities.

Keywords: the Constitution, axiological foundation, deformation of constitutionalism, the rule of law, constitutional culture, monitoring of constitutionalism.

Несомненно, во всех постсоветских государствах за последние двадцать лет накопился соответствующий опыт конституционно-правового развития, позволяющий подвести определенные итоги. Никто не может отрицать определенные положительные результаты общественной трансформации в наших странах. Тем не менее назрел вопрос всесторонней оценки и выявления основных причин существующих кризисных явлений конституционно-правового характера, которые в определенной мере приобретают значение системообразующих и преодоление которых с учетом фундаментальных позиций конституционной культуры нового тысячелетия стало неотложной необходимостью.

Многие конституционалисты подчеркивают, что наши общества оказались в зоне социальной нетерпимости, тотального риска и тревог, которые могут перерасти в социальные катаклизмы. В чем причина этого: почему возрастает недоверие между человеком и властью,

почему огромный аксиологический потенциал Конституции в реальности не становится основой социального поведения человека и публичного поведения властей?

Как нам кажется, одна из основных причин — это недостаточный уровень конституционной культуры и неадекватный вызовам времени уровень конституционализации общественных отношений, *что приводит к существенному дефициту конституционализма в наших странах.*

Основное требование современной конституционной культуры заключается именно в том, чтобы *«Высший Закон» страны агрегировал в себе всю систему фундаментальных ценностей гражданского общества и предопределил их надежную защиту и устойчивое воспроизводство на основе гарантирования верховенства права.*

В то же время Конституция, воплощая в себе эту ценностную систему, должна учитывать объективные особенности исторического этапа развития общества, *являться результатом общественного согласия вокруг основополагающих ценностей социального поведения гражданина и публичного поведения властей в условиях конкретных социальных реалий.*

Диалектическая связь между реальной общественной жизнью и самой Конституцией проявляется именно через призму соответствующих признаков конституционализма в данном обществе.

Конституционализм — это не утопическое восприятие идей о необходимости конституционной регуляции общественных отношений. Конституционализм — это проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмысленному бытию данного социума; это системное и осознанное наличие конституционных ценностей в реальной общественной жизни, на чем базируется вся правовая система; это проявление не формы, а аксиологического содержания Конституции в реальной жизни.

Современный конституционализм как фундаментальный принцип права должен *приобрести системообразующий и универсальный характер правовой регуляции, выражать и конкретизировать правовое содержание гарантирования и обеспечения верховенства права и непосредственное действие прав человека, выступать критерием правомочности поведения правосубъектов, исходным началом правотворческой и правоприменительной деятельности и являться результатом исторического развития общества.*

Нормативные характеристики данного принципа предполагают наличие необходимых и достаточных правовых гарантий для осознанной реализации прав и свобод во всей системе права и общественных отношений. В правовом государстве любая норма права должна проявляться как элемент конституционно взаимосогласованной системы правового и нравственного поведения человека и государства.

С учетом вышесказанного нам представляется, что *понятие конституционализма необходимо воспринимать не как один из основных принципов конституционного права, а как фундаментальный принцип*

права в целом. Можно перефразировать общеизвестную римскую формулу «Где общество, там и право» следующим образом: «Где конституционализм, там и правовое государство». Конституционализм определяет суть взаимосогласованного поведения социума, характер его осмысленного существования во времени, уровень зрелости общественных отношений и их правового регулирования.

Для любого государства главной задачей является не поспешное изменение Конституции и так называемая «политическая адаптация» Основного закона к социальным реалиям, а именно полная реализация ее фундаментальных норм и принципов в реальной жизни, не допуская их искажения и деформации.

Мы считаем, что сегодня более актуальным является не вопрос о развитии Конституции именно через текстовые изменения, которые в свою очередь должны быть соразмерны вызовам времени, а проблема преодоления конституционного дефицита в реальной жизни посредством снятия всех препятствий на пути реализации демократического потенциала Конституции. Мы солидарны с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации, когда многоуважаемый Валерий Дмитриевич в рамках Санкт-Петербургской конференции красноречиво заметил: «...Да, мы имеем претензии к Конституции, но она имеет больше претензий к нам».

Сверхзадачей для всех стран была и остается гармонизация реалий общественной жизни с конституционными нормами и принципами, основанными на обеспечении верховенства права.

Преодоление дефицита конституционализма в реальной жизни — это основной путь, чтобы не допустить накопления отрицательной общественной энергии и формирования критической массы, при которой неизбежны социальные потрясения.

С учетом раскрываемых разными авторами основных ценностей конституционализма и причин определенного антагонизма между Конституцией и реальной действительностью нами были проанализированы некоторые признаки деформации основополагающих конституционных принципов и ценностей на уровне общеправовой системы и правоприменительной практики в целом¹.

Мы пришли к убеждению, что особенно в условиях общественной трансформации главным фактором дестабильности и социальных потрясений становится деформация конституционализма, преодоление

¹ New Millenium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges. Yerevan, 2013. P. 29–80; Конституционное правосудие в новом тысячелетии (Международный альманах). Ереван, 2005. С. 137–155; 2008. С. 27–36; 2009. С. 40–47; Арутюнян Г.Г. Конституционно-правовое развитие в зеркале общественной трансформации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3 (15). С. 34–36; Арутюнян Г.Г. Деформации конституционализма в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26). С. 5–9; *Narutyunyan G.G. Modern Challenges to Systemic Development of Constitutional Control (Armenia) // Const. L.Rev. 2012. N 5. P. 173–179.*

которой требует наличия действенного и системного конституционного мониторинга на основе целенаправленной и непрерывной конституционной диагностики.

В моем выступлении в Санкт-Петербурге я особенно подчеркнул, что самая большая угроза «трансформационного конституционализма» — это недопустимо высокий уровень олигархизации власти во многих странах новой демократии, приводящий к сращиванию политических, административных и экономических сил и искажению принципа разделения властей. Еще опаснее, когда не соблюдается необходимая пропорциональность в реализации потенциала непосредственной демократии и гражданское общество не может существенно влиять на институты представительной демократии и на власть в целом. В подобной ситуации основополагающие конституционные ценности и принципы превращаются в виртуальные постулаты, оторванные от реальной и во многом искаженной действительности. Хочу привести только один пример. Наши исследования свидетельствуют, что, например, когда в годовых доходах высших должностных лиц законодательной, исполнительной и судебной власти доля заработной платы выше 80–90 %, то угроза сращивания политического, экономического и административного потенциала снижается до минимума и имеются реальные предпосылки для действительного разделения властей. Важно то, что в подобных условиях реальная мотивация носителя власти — эффективная реализация его функции. Однако, когда плата, полученная за осуществление его функции как носителя власти, ниже 50 % от его годовых доходов, очевидно, что функция становится «дымовой завесой» для осуществления деятельности, обеспечивающей его основной доход. В некоторых странах новой демократии наблюдается такая картина, когда в системе судебной власти данный показатель составляет 55–60 %, исполнительной — 35–40, а законодательной власти — вплоть до 2,5–3 %. Подобная картина — это лакмусовая бумажка, свидетельствующая о системных «метастазах» и опасных искажениях основополагающих конституционных ценностей и принципов на уровне государственной власти.

Изучение конституций многих стран новой демократии показывает, что на этом уровне формально правовое государство, народовластие, верховенство права, достоинство человека, свобода, конституционная демократия, разделение властей, общественное согласие, равенство, толерантность, плюрализм, солидарность и другие общепризнанные ценности в их органическом единстве стали основой конституционных решений. Но вместе с тем действительность в этих странах другая, она оказалась в другом измерении.

Конституционализм как основа гражданского общества не может развиваться прогрессивно в условиях слабой дееспособности государственных демократических структур и деформации самих политиче-

ских институтов. Как справедливо подчеркивает коллега из Болгарии Даниэль Смилов, в условиях общественной трансформации доминирующими становятся установление квазиконституционализма и интенсивное распространение политического популизма².

Мы считаем крайне опасным явлением именно тотальную олигархизацию власти. Одна из моих статей 2006 г. называется «Угрозы корпоративной демократии»³. В данной статье я отметил, что «корпоративная демократия» (олигархизация всех ветвей власти) более опасна для общественной системы, чем даже тоталитарная система, которая имеет свои определенные правила, несмотря на то что по своей сути также носит иррациональный характер. Однако она не построена на искаженных в общественной практике конституционных ценностях. Основная угроза корпоративной демократии заключается именно в том, что демократические ценности последовательно деформируются и впоследствии теряют свое значение, становятся для общества не только неприемлемыми, но и опасными. Этому способствуют низкий уровень правосознания общества, трудное социальное положение населения, высокий уровень безработицы и т.д. В условиях теневых экономических отношений индивид выступает не как полноценный договорной субъект со своими естественными правами, а как зависящее от воли и подаяния работодателя средство производства. Данное качество, характерное для феодальных общественных отношений, приобретает новую форму и окраску в «демократической упаковке» в условиях квазиконституционализма. Сегодня востребованным товаром становится голос человека как избирателя.

Главная опасность корпоративной демократии состоит в том, что ценности, подвергшиеся мутации, в условиях сбоя «иммунной системы» общества становятся воспроизводимыми. Это более опасная фаза, когда иррациональное развитие носит прогрессирующий характер и исключает восстановление жизнеспособности системы эволюционным путем, а истинные ценности становятся невостребованными. Это в той или иной мере имеет место в тех странах, где политические институты формируются по принципам корпоративной демократии, где параллельно с теневой экономикой теневыми становятся и политические институты, где судебная система — не самостоятельная власть, а рычаг власти, где пресса превращается в инструмент политического террора, а не свободы слова.

Тотальная олигархизация властей приводит к тотальной криминализации социальной системы, особенно в тех случаях, когда самыми

² Смилов Д. Конфликт конституционализма и демократии в Восточной Европе: за пределами парадигмы переходного периода // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4(89). С. 29–44.

³ Арутюнян Г.Г. Угрозы корпоративной демократии Конституционное правосудие (Международный вестник). 2006. № 3. С. 38–46.

богатыми людьми в государстве становятся высшие государственные чины и политическая элита посредством теневых отношений с бизнес-средой.

Основной путь во избежание подобных угроз — обеспечение реального разделения властей и исключение слияния политических, экономических и административных сил, создание необходимых предпосылок естественного становления политических и гражданских структур общества. Еще в свое время Джеймс Мэдисон подчеркнул, что конституционная сбалансированность противоречивых и конкурирующих интересов может сдерживать власть и гарантировать свободу⁴.

Современные тенденции мирового и европейского конституционного развития позволяют сделать ряд принципиальных обобщений, среди которых особого внимания достойны следующие:

а) демократия, не имеющая альтернативы как ценность социального общества, диктует свои критерии и подходы к правовой регламентации общественных отношений;

б) конституционная демократия существует там и в той мере, где и в какой мере имеют место реальное разделение и баланс властей, оптимальная децентрализация политической, экономической и административной сил, независимая судебная власть, свободная пресса, гарантированные свободные и справедливые избирательные процессы, контролируемая гражданским обществом власть;

в) установление конституционализма без надежного гарантирования верховенства Конституции останется лишь добрым пожеланием;

г) обеспечение верховенства права требует учитывать также проблемы национальной безопасности и необходимость определенной гармонии между индивидуальными и общественными интересами;

д) процессы конституционного развития не могут рассматриваться без надлежащей системной оценки и учета растущей роли международных глобальных и региональных правовых систем;

е) без создания необходимых и достаточных предпосылок и определенной ценностной среды конституционной демократии с глубокой и всесторонней оценкой особенностей переходных систем невозможно преодолеть инерцию системных деформаций и гарантировать реальное конституционное развитие путем так называемого «импорта демократии».

В настоящее время одна из ключевых проблем транзитологии состоит в том, как учитывать указанные тенденции в преобразующихся общественных системах, чтобы конституционное развитие становилось основой прогресса общества и не стало бы жертвой текущих политических интересов.

⁴ *Рассел Г.* Конституционализм: опыт Америки и других стран: URL: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm> (09.03.2009).

Как нам кажется, главная задача раскрытия и реализации демократического потенциала Конституции — это последовательная конституционализация общественных отношений наряду с преодолением конфликта между Конституцией, правовой системой и правоприменительной практикой в целом. Только таким путем можно гарантировать верховенство права и придать желаемые устойчивость и динамизм общественному развитию.

Изучение международного опыта приводит к выводу, что в любой стране успехи становления подлинного конституционализма прежде всего обусловлены в равной степени осмыслением принципа верховенства права, адекватным конституционным закреплением, законодательным обеспечением, укоренением в государственном и общественном мышлении и образе действий. Вопрос не только в том, что ограниченное восприятие основополагающего принципа верховенства права зачастую приводит к путанице, его отождествлению с верховенством закона. Более существенным является то, что в подобных условиях краеугольный камень правового, демократического государства не может быть заложен правильно и все направленные на это усилия будут напоминать иллюзию построения дворца на песке без устойчивого фундамента.

Относительно правильного выбора направления конституционно-правового развития страны мы придаем особое значение следующим обстоятельствам:

во-первых, насколько юридически четко осмыслен и сформулирован принцип верховенства права;

во-вторых, насколько суть этого принципа стала исходным элементом правовой и политической культуры данной страны;

в-третьих, какое отражение он нашел на уровне конституционных решений;

в-четвертых, насколько гарантии реализации этого принципа закреплены законодательно;

в-пятых, как правоприменительная практика воспринимает и реализует принцип верховенства права;

в-шестых, насколько этот принцип стал необходимым, осмысленным и естественно реализуемым элементом социального поведения человека и гражданина;

в-седьмых, как государством и гражданским обществом осуществляется мониторинг реализации принципа верховенства права и преодоления препятствий в этом направлении.

Из перечисленных обстоятельств считаем необходимым остановиться на концептуальных подходах к двум последним исходя из следующих соображений:

1. Верховенство права, будучи краеугольным камнем правового государства, в первую очередь предполагает, что даже народ, которому

принадлежит власть и который является ее источником, ограничен неотчуждаемыми правами человека как непосредственно действующим правом. Для многих стран это стало ключевой конституционной нормой. *Следовательно, все остальные вышеперечисленные обстоятельства необходимы для создания среды, в условиях которой верховенство права могло бы стать стержнем социального поведения человека и публичного поведения властей, аксиологической основой их самовыражения и самореализации.* Если это не происходит, то другие указанные обстоятельства становятся самоцелью.

2. Системный мониторинг становления верховенства права как стержня социального поведения человека и публичного поведения властей является тем главным условием, которое необходимо для последовательного выявления, оценки и преодоления всех возможных препятствий ограничения власти правом.

В общем виде *принцип верховенства права предполагает*, что:

— права человека не только должны быть конституционно признанными, но и законодательно гарантированными, обеспеченными и защищенными равноценными институциональными решениями;

— ограничение власти правом и непосредственное действие основополагающих прав человека должны стать нормой поведения для всех слоев общества;

— принцип равенства всех перед законом должен уважаться и гарантироваться;

— правосудие должно быть независимым и беспристрастным;

— законы и другие правовые акты должны соответствовать принципу правовой определенности, быть предсказуемыми, четкими, не иметь пробелов и двусмысленности;

— осуществление власти должно быть основано на законности, справедливости и обоснованности;

— вопросы, касающиеся субъективных прав лиц, должны рассматриваться и решаться на основании закона, а не по усмотрению;

— правовые споры должны иметь необходимые механизмы их эффективного разрешения исключительно правовым путем;

— в вопросе прав человека государство должно последовательно осуществлять свои национальные и международные обязательства.

Данные подходы относительно верховенства права вытекают из позиций, представленных в докладе Венецианской комиссии Совета Европы от 4 апреля 2011 г.

24 сентября 2012 г. ООН также приняла декларацию «О верховенстве права». Подчеркнув исключительное значение обеспечения верховенства права на национальном и международном уровнях, упомянутая декларация особо выделяет значение независимости судебной власти, доступности правосудия, борьбы с коррупцией, терроризмом и транснациональной организованной преступностью. Содержит при-

зывает ко всем странам-участникам ставить в основу деятельности национальных властей принцип верховенства права.

По нашему глубокому убеждению, исходной точкой решения данной задачи является конституционализация социального поведения человека на основе системно-ценностного осмысления своих непосредственно действующих прав, а также конституционализация публичного поведения властей на основе формирования триединой системы взаимоотношений человек-общество-государство.

Особенно социальное поведение человека в настоящее время стало предметом серьезных обсуждений философами, социологами, психологами и представителями других областей науки. Однако, по нашему мнению, отношение к проблеме юридического осмысления конституционализации социального поведения человека в реальности остается пока еще недооцененным. *Социальное поведение личности является прежде всего осмысленным, разумным поведением, имеет аксиологическую основу, мотивацию, характерные формы и способы выражения, которые направляют самовыражение личности в многослойных социальных связях.* Аксиологическую основу социального поведения составляют оценка, осмысление места и роли человека в общественной жизни в соответствии с ценностной системой его мировосприятия.

Иными словами, в системе социального поведения человека основной является его аксиологическая ориентация — та система ценностей, которая определяет характер конституционной культуры данного общества, лежит в основе конкретных конституционных решений и разумного самопознания и самовыражения личности.

Духовные и физические потребности человека, мотивации его ожиданий, интересов и целей диктуют адекватный образ действий, который имеет осмысленный характер и аксиологическое проявление. Действительность состоит в том, что **каковы ценности — таковы и общество, и индивид.** Аксиологическая мотивация индивида в свою очередь имеет не только субъективный, но и объективный, общественный характер и значение. Здесь главным является то, какова диалектика удовлетворения потребностей индивида и посредством каких мотиваций лицо вступает в динамичный процесс общественных отношений исходя из того, что каждая удовлетворенная потребность порождает новые потребности. Учитывая это обстоятельство, лауреат Нобелевской премии Роберт Лукас в конце прошлого века в рамках теории рациональных ожиданий предлагал заложить в основу общественного управления концепцию влияния на социальные ожидания людей.

Общественное значение социальных взаимосвязей индивида, его социального поведения в гражданском обществе возрастает **параллельно новому осмыслению его места и роли.** В подобном обществе социальное поведение личности является стабильным, предсказуемым, в гармонии с его идеалами, стремлениями, ожиданиями и ориентиру-

ми социальных связей. А это возможно только при наличии крепкой аксиологической основы разумного бытия человека в условиях определенной конституционализации его социального поведения. Иными словами, в демократическом обществе ценностные ориентиры социального поведения индивида находятся в гармонии с ценностной системой общества.

В данном контексте особого внимания заслуживает то обстоятельство, что социальное поведение личности является не бессистемным проявлением его социальной психологии: **его важная характеристика — это нормативность**. Последняя формируется как на основе обычаев, традиций, духовных ценностей, различных воздействий социальной среды, так и в первую очередь в результате конституционно-правового регулирования взаимосвязей между людьми и их группами.

Социальное общество является здоровой, жизнеспособной, естественно существующей и развивающейся системой в том случае, когда социальные ожидания индивида находятся в гармонии с аксиологическими ориентирами общества и когда в основе обоих лежат объективные, осмысленные и общепризнанные конституционные ценности.

Для подобной роли и духовная, и мирская мысль в результате тысячелетнего опыта так и не нашла ничего иного, как признанные высшими и неотчуждаемыми ценностями права человека и его основополагающие свободы.

Признание принципа верховенства права является высшей точкой самопознания человека и осмысленного самовыражения его общественного бытия. Поэтому непререкаемой является следующая истина: *в том обществе, где гарантирование верховенства права не является краеугольным камнем для индивида и его общественного самовыражения, ождение социального согласия и развития бессмысленно.*

В правовом, демократическом государстве конституционно, на основе Основного Закона гражданского общества, в результате равноценной государственной политики должна сформироваться такая социальная среда, где верховенство права является ядром генерации и проявления социального поведения индивидов, их групп, власти и всего общества в целом. Как в X в. в своих божественных молитвах провозглашает великий Нарекаци, совершенные человеком грехи — это не его преступление, а его несчастье. Человеку для нормальной и достойной жизни нужна необходимая среда и возможность. А уроки истории свидетельствуют, что это может быть гарантировано только в правовом, демократическом государстве.

Конституционная культура приобретает новое качество в тех общественно-государственных системах, где **наряду с Конституцией существует конституционализм**, где Конституция является не орудием в руках государственной власти, а **Основным Законом гражданского общества**, средством гарантирования гармоничного и стабильного развития

этого общества, не только устанавливая основные правила поведения, но и **ставя пределы власти, ограничивая ее правом.**

В таком обществе высшей формой направления социального поведения индивида становится не внешнее воздействие, а **самонаправление, саморегуляция, основанные на верховенстве права.** В подобном обществе, где и для государства, и для индивида исходной точкой является верховенство права, законопослушность, стыд и совесть имеют несравнимо большее и решающее влияние на поведение личности, чем наказание и его предупредительное значение. А это основная гарантия достижения общественного согласия и социальной стабильности.

Еще на одну проблему хотелось бы обратить внимание. Изучение конституционной практики не только в странах новой, но и старой демократии показывает, что в большинстве из них для обеспечения стабильного конституционного развития основной акцент делается на реализации потенциала представительной демократии и обеспечении сбалансированного функционирования институтов власти. Однако это крайне недостаточно для правовых систем, где имеет место определенная олигархизация власти или законодательная и исполнительная власть находятся в руках одной партии или даже большой коалиции.

В настоящее время в условиях дефицита конституционализма во многих странах, на наш взгляд, народ, формально являясь носителем и источником власти, в действительности не в состоянии проявить сдерживающий потенциал в отношении институтов власти, когда их деятельность выходит за рамки конституционной сбалансированности. В соответствии с конституцией народу часто отводят слишком пассивную роль, ограничиваясь в основном процессом формирования институтов представительной власти, а в некоторых странах — приемом Конституции.

Мы убеждены, что конституционное функциональное равновесие в весьма динамичной нашей действительности невозможно обеспечить только с помощью разделения и баланса властей. Этим можно только обеспечить внутриконституционное равновесие между ветвями представительной власти. Последнее — еще не гарант подлинной демократии, когда есть возможность проявления так называемой политической и личной диктатуры.

С формированием гражданского общества действенный механизм конституционного баланса сдержек и противовесов требует обеспечения оптимальной пропорциональности в реализации конституционного потенциала как представительной, так и непосредственной демократии. Именно непосредственная демократия становится гарантом сдерживания государственной власти и недопущения узурпации власти, а также гарантом реализации принципа верховенства права на всех уровнях общественного бытия.

При такой постановке вопроса нельзя говорить только об участии народа в принятии определенных решений. Этого крайне недостаточно, а во многих странах это относится к очень ограниченным вопросам. Более важно, чтобы на конституционном уровне признавались права народа на реализацию принятых решений и на контроль над этим процессом.

Мы считаем, что говоря о месте и роли непосредственной демократии нельзя ограничиваться только рамками выборов и различных форм плебисцитов и референдумов. Есть нечто более важное, а именно проявление созидательного потенциала народа в качестве гражданского общества — в условиях развитой демократии это контрольная функция народовластия. Человек становится основой конституционных взаимоотношений, его право на конституционное правосудие — решающим, а верховенство права — основой социального поведения человека и публичного поведения властей, именно роль гражданского общества становится принципиальной в осуществлении мониторинга конституционализма в стране.

В основном наше заключение по данному вопросу сводится к тому, что недооценка места и роли прямой демократии в обеспечении эволюционного, устойчивого и динамичного развития демократического общества может привести к таким результатам, когда народ будет вынужден проявить свое несогласие с деформированными реалиями путем даже революционного восстания. Во избежание подобной крайности давно назрела необходимость на конституционном уровне раскрыть и в полной мере задействовать созидательный потенциал гражданского общества через реализацию механизмов непосредственной демократии.

Подводя итоги, можно сказать, что в рамках реализации своих основных полномочий по обеспечению верховенства права важными задачами институтов власти являются:

- выявление и оценка дефицита конституционности в политическом поведении властных структур;
- оценка внутриконституционных деформаций, выявление причин этих деформаций и разработка доктринальных подходов их преодоления;
- преодоление деформированного восприятия основополагающих конституционных ценностей и принципов в обществе в целом;
- обеспечение необходимого уровня конституционализации публичного поведения институтов власти и социального поведения личности;
- устранение дефицита конституционности в сфере законодательства и других формах правотворческой деятельности;
- недопущение деформаций конституционных ценностей и принципов в правоприменительной практике;

— выявление и учет транснациональных критериев оценки социального поведения человека и власти.

Именно решение этих задач позволит управлять современными рисками и избежать социальных потрясений.

Список литературы

1. *Арутюнян Г.Г.* Деформации конституционализма в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7 (26).
2. *Арутюнян Г.Г.* Конституционно-правовое развитие в зеркале общественной трансформации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3 (15).
3. *Арутюнян Г.Г.* Угрозы корпоративной демократии // Конституционное правосудие (Международный вестник). 2006. № 3.
4. *Рассел Г.* Конституционализм: опыт Америки и других стран: URL: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm> (09.03.2009).
5. *Harutyunyan G.G.* Modern Challenges to Systemic Development of Constitutional Control (Armenia) // Const. L. Rev. 2012. N 5.
6. *New Millenium Constitutionalism: Paradigms of Reality and Challenges.* Yerevan, 2013.

